

ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ

Бригада «Советской культуры» и ЦК профсоюза работников культуры на Дальнем Востоке

С ЧЕМ ТОЛЬКО эту землю ни сравнивали: самолетные пассажиры; и зеленое море тайги было, и огромный бильярдный стол, и карта (географическая), испещренная чем-то, и вское многое другое... Подтверждаем: действительно, похожа, на все перенесенное похожа, а особенно — на последнее... А расстояние?.. Мы пролетели около 15 тысяч километров над дальневосточной землей, и это составляло лишь небольшой процент неизбранных просторов.

Хорошо смотреть землю из поезда, еще лучше — из автомобиля, подобнее всего разглядеть ее можно, путешествуя пешком. Аэрофотосъемка, скрадывая расстояния, делает восприятие отрывочным, фрагментарным. Это, пожалуй, и определило темы наших записок, поставленные им в зависимости от мест, где мы бывали, от людей, с которыми нам пришлось встретиться.

Маршрут наш и пункты остановок были разработаны в Центральном военно-штабской комиссии ЦК профсоюза работников культуры. Ответственный секретарь этой комиссии Борис Носиков Крекинский выбирал крупные дальневосточные города, куль-

турные центры, где могли и должны были быть театры, филармонии и другие учреждения, несущие культуру воинам Советской Армии и Флота.

Мы не жалели ни минуты об избранном маршруте. Он мог быть и другим. Но, размышляя о превратностях коммунистического предпринятия, читая в газетах и книгах об увиденном другими, слушая бывших людей, мы пришли к выводу: даже из выборочного, точечного вилюя (вероятно, попытке его) можно судить о жизни этой огромной территории, неотделимой части великой страны. Она чувствует себя единой с центральной Россией, с прогрессивными союзными республиками («если народы нашей Родины представляли перед нами визы от отца моего и все же у себя дома»). Пуловина Транссибирской железной дороги и артерии Аэрофлота так прочно и надежно, что расстояния практические не существуют.

Итак, наше путешествие. Модная «наука социологии» допускает выборочный метод, опрос, анализ. Она утверждает, что факт, повторенный два-три раза, остается верен и при многократном повторении. Правда, детали могут быть различны, но (по утверждению той же науки) это частности.

Корень жизни

МЫ СТОИМ на крыльце Хабаровского краеведческого музея, прошли залы первого этажа и вышли под серый морозящий дождь. Нас трое: журналисты «Советской культуры» (одну из центров цивилизации («смотри-ко», так далеко от Москвы, так привычно играют) и все такое) и я, что ловится не только читателю, но и матери газетчику. Перед отъездом нас просят: привезите корень, женщины, говорят, очень хороши, стимулируют и вообще похожи на цветы.

Видите. Действительно — похож. Беловатый, телесного цвета. На таблице сказано, что действенно стимулируют и потому применяются в медицинской промышленности.

— А скелет кита?

— Да, длина два метра.

— А как тебе тигр?

— Что скажешь про медведя? берлогу на 10-метровой высоте?

— Занесис, Миша... (Это все музейные экспонаты).

Давно с тем вид в Москве самый острогород из нас сказал: «Давайте договоримся не писать о женщинах, цапах и лягушках котиков, кадамах и тюленях». А менее острогородные склонны заявлять: «Не будем писать таких о тиграх, зверях, действующих вудунах, течении Куромо. Кто мы журналисты или Фениксом Купером?»

Наши поиски корня жизни (по иногородному «женьшень») можно понимать лишь аллегорически. Местных жизни, как, собственно говоря, и всюду, держатся на людях. Хотя сенсация эта банальная, много раз повторенная и до сегодняшних дней успела сраститься, но она так же верна, как тогда, давно, в первый раз прокламирована.

СЛЕПЦЫ, как белое солнце, глазок кинопроектора в машинах просмотром зала Хабаровской кинотеки. Радужные звезды побывали своим рабы — прокураторы студии. Фильмы о Хабаровском крае, Камчатке, Курилах, Сахалине, Приморье — все и почти все они делаются здесь. Территория, подвластная студии, несомненно для ума и неизбранных для глаза, не вооруженного самодетонатором.

Фильмы цветные, черно-белые, широкозеркальные и обычные, драматичные (одна часть), и однотипные (сюжеты из хроники), горевые и находящиеся в работе; удачные и не очень — на всех отпечатках времени, места, во всех «местах» королевства. Он не может не нравиться, не привлекать. Да и расплодившиеся студии королевство — под думским обрывом, у вздоха, на набережной. Оттуда далеко видно — через трехкилометровую реку, через поэмы и протоки Амура и Уссури до темно-серых лесистых сопок на горизонте, у которых застава и граница. Сопки называются Хехцир — Черный третий.

В марте студии исходились 42 года. Легенда о ее возникновении (не в каждом творческом коллективе есть свою легенду) очень красива, но, как утверждают старожилы, неправда.

Первой гражданской частью группой южноуральских шпионов и диверсантов прибыли через советскую границу. Трудно сейчас сказать, какое было у них задание, но в рюкзаках, кроме обычного шпионского снаряжения, они несли фото- и киносъемочную аппаратуру. Врач был задержан.

Боец-пограничник Алексей Кузешкин, участник операции японской камеры, свой первый фильм, который стал первым фильмом Дальневосточной кинотеки, Алексей Кузешкин, основоположнику и родоначальнику, сейчас за сорок лет, но нет-нет да придет он не студию — поможет, начнет снимать сад.

Со времени мифологического основания студии прошло сорок два года и несколько месяцев.

Всерьез поговорить с главным редактором студии Борисом Романовичем Адриановым нам не удалось — занятой человек: работы на студии, дела по линии Союза кинематографистов (он уполномоченный этого организаций), а тут еще иногородний журналист приехал в Хабаровск — приводнившись к нему. Зато остальные, все, с кем пришлось беседовать, относились к этому почтенному и драматично занято (разговору) с вниманием и удовольствием. Речь-то шла о деле самом для них важном, главном и единственном (мы не преувеличиваем).

Юрий Лернов, заместитель Б. Адрианова, старший редактор, молод, толково-толково за тридцать, сухощав, бородка, усы. Ему бы не хватило — тепличный интеллигент четырех времен.

— О чём мы, журналисты, любим писать? О трудностях и их преодолении! Так вот, трудности есть. Пленки, например, осматриваются здесь в Хабаровске или где-нибудь еще дальше от центра тысячу на несколько километров — на Камчатке или Чукотке, отправляем в Ленинград для обработки. Не место нет усердия. Командировкам в пределах нашей зоны почти всегда предполагается по расстоянию и тем более по времени. Появляется оператор Юра Волков на острове Врангеля делать съемки для кинокамеры и застрял там — погода. Замерз. Понты неделю жил в обнимку с белыми медведями. Потом выпало интересное: прислали пленки, просмотрели, смонтировали, добавили чесночко пленок из хрена, и фильм получился — снят на острове, в синематике склер от там и всплыл в желтый слизь.

Так вот предположение трудностей, связанных с природой, расстроено — дело случая, удачи, операторского везения. Это вездесилен. Непрятно другое. Оторванность наша

СМР.1

Корень жизни

от центра приводит зачастую к казусам, «Снимите, — указывают нам из центра, — Волческую сопку на 10 минут. Но как снять? В каком жанре? В каком образном ключе? Ведь герониевое прошлого века, соединенное с современностью, допускает отнюдь не однозначное решение. И находит ли этот сюжет правоохранительные органы?

Но в целом мы сами себе часто забываем. Нашиники делают вид, что им не нужно много информации, а значит, и денег. Но здорово, что существует проблема времени. И находит ли этот сюжет правоохранительные органы?

Есть в Хабаровском крае народность — орочи охотники, рыболовы, олениеводы. Небольшая народность. За последние годы изменился путь разведения от первобытной общины до социалистического общества. Ремесел и мастеров Альберт Пушкин решил снять фильм о золотоискателе, который отдавался просвещению этого маленького народа, — об учителе Сидорове, 30 лет назад прибывшем в поселок Усть-Орочка. Каждый ороч — ученик Сидорова, и старик, и мальчишка.

Фильм должен быть рассказан о гражданине из поселка, который изменился на 10 минут. Но постепенно в спокойные, торжественные тона повествования начали вспыхивать нотки полемических, стало возникать нерешительные вопросы: «Где мысли Сидоров глубоко перекликаются с народом?»

Старники становились некому передавать свое умение расшивать одежду цветными узорами, вытаскивать из дерева и кости тончайшие скелетики, из птичьих перьев и лосиних растений создавать головные уборы и декоративные корзинки, за которые любой ценитель продаст душу джокулу из антикварного магазина.

Молодые, окончив школу, уходили из поселка либо вниз по Амуру, в Николаевку, либо вверх, в Комсомольск. Туда, где думают трубы современных заводов, где есть танкисты и инженеры, где можно чувствовать себя причастными к великим делам огромной страны. Все меньше людей манят и сеят волнистые радости рыболовства. Год за годом на глазах Сидорова нарастал этот процесс, год за годом все больше задумывалась учитель над судьбой малого лесного народа, над его будущим. Он видел в народе народ. Делится своими опасениями. И в то же время радуется за своих бывших учеников,шедших в жизнь.

Фильм называется «Приключения на Унгуре» — легендарной лодке героя орочных сказаний. Он не задает праздного вопроса (этот фильм) о том, что лучше: тихая патриархальность, верность старине, обычаям предков, или современные заводы, скорость самолетов, мощный зов огромных кораблей. Он размышляет.

А камера показывает все его доводы и за и против. Камера с ним спорит, поддерживает его, старается помочь разобраться.

— Не просто кино, в философском диспуте, — улыбается Леонид Федорович Фартусов. — Киноноги, киноманы, киногенетики, — это сейчас очень модно. Но, следя подчас этой моде, мы — в имею в виду работников нашей студии — стремимся, чтобы прямые не затмевали существа дела. Пойдите на студию Федора Федоровича Фартусова, оператора, он сейчас где-то здесь, попросите рассказать о новой работе, которую они делают вместе с режиссером Евгением Лагатом. А если есть готовые куски, то и увидите какое разобраться.

— Не просто кино, в философском диспуте, — улыбается Леонид Федорович Фартусов.

— Студия, которая называется «Распространять крылья» — это сейчас очень модно. Но, следя подчас этой моде, мы — в имею в виду работников нашей студии — стремимся, чтобы прямые не затмевали существа дела. Пойдите на студию Федора Федоровича Фартусова, оператора, он сейчас где-то здесь, попросите рассказать о новой работе, которую они делают вместе с режиссером Евгением Лагатом. А если есть готовые куски, то и увидите какое разобраться.

По сценарию (он называется «Распространять крылья») галерея кинопортретов очень изразуальных людей — стадовара и пастечника, председателя колхоза и работника детского сада, повара-песоеда и начальника порта — должна была показать зрители, какие необыкновенные возможности для сильных и маленьких талантов в себе дальневосточная земля. Тогда безусловно, блогер, блогер, блогер.

Мы начали снимать, и сценарий стал разваливаться ко всем чертам! — так начал Лагат, и в тоже его не было ничего склонного к жажде.

Он оказался наимоющим сложнее литературной схемы, в глазах, их характерах и устремлениях никак не хотели укладываться в моментальный синтаксис сегодняшнего дня. И авторы поняли, что, не уяснив себе и не показав зрителю, какие необыкновенные возможности для сильных и маленьких талантов в себе дальневосточная земля, фильма не будет.

— Так позывалась тема прошедшей весны. А в это время работала «скрытая камера».

— И, как во естественное развитие, тема ответственности перед будущим...

Надо говорить, что «углубление» это потребовало новых изобразительных средств и даже приемов. (Всем героям, например, показывали уже отснятые куски, и сразу же после просмотра продолжали разговор под впечатлением виденных кадров, задавая сценаристам новые вопросы.)

— А в это время работала «скрытая камера».

Вряд ли будущие ленты окажутся заурядной. Нужно было видеть ее авторов с их горючими одержимостью глазами и взглядом по поводу «развязывающегося» сценария. Как же им не позавидовать?

ПО СЦЕНАРИЮ (он называется «Распространять крылья») галерея кинопортретов очень изразуальных людей — стадовара и пастечника, председателя колхоза и работника детского сада, повара-песоеда и начальника порта — должна была показать зрители, какие необыкновенные возможности для сильных и маленьких талантов в себе дальневосточная земля. Тогда безусловно, блогер, блогер, блогер.

— Ответ на этот вопрос — изображение, — говорит Леонид Федорович Фартусов.

— А в это время работала «скрытая камера».

— ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчасовой сцены. Соседы с овощами и революционными речами, дядя и папа в книжках, пастечники людей; умыли, отмыли и на санях трудных вопросы. «Романтика» без соплей» (это слова одного из них) пронизала бригаду там, где профессиональная педагогика и любовь к труду отсутствовали, и было нечего делать, кроме как уединиться в кабине.

— ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчасовой сцены. Соседы с овощами и революционными речами, дядя и папа в книжках, пастечники людей; умыли, отмыли и на санях трудных вопросы. «Романтика» без соплей» (это слова одного из них) пронизала бригаду там, где профессиональная педагогика и любовь к труду отсутствовали, и было нечего делать, кроме как уединиться в кабине.

ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчасовой сцены. Соседы с овощами и революционными речами, дядя и папа в книжках, пастечники людей; умыли, отмыли и на санях трудных вопросы. «Романтика» без соплей» (это слова одного из них) пронизала бригаду там, где профессиональная педагогика и любовь к труду отсутствовали, и было нечего делать, кроме как уединиться в кабине.

ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчасовой сцены. Соседы с овощами и революционными речами, дядя и папа в книжках, пастечники людей; умыли, отмыли и на санях трудных вопросы. «Романтика» без соплей» (это слова одного из них) пронизала бригаду там, где профессиональная педагогика и любовь к труду отсутствовали, и было нечего делать, кроме как уединиться в кабине.

ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчасовой сцены. Соседы с овощами и революционными речами, дядя и папа в книжках, пастечники людей; умыли, отмыли и на санях трудных вопросы. «Романтика» без соплей» (это слова одного из них) пронизала бригаду там, где профессиональная педагогика и любовь к труду отсутствовали, и было нечего делать, кроме как уединиться в кабине.

ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчасовой сцены. Соседы с овощами и революционными речами, дядя и папа в книжках, пастечники людей; умыли, отмыли и на санях трудных вопросы. «Романтика» без соплей» (это слова одного из них) пронизала бригаду там, где профессиональная педагогика и любовь к труду отсутствовали, и было нечего делать, кроме как уединиться в кабине.

ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчасовой сцены. Соседы с овощами и революционными речами, дядя и папа в книжках, пастечники людей; умыли, отмыли и на санях трудных вопросы. «Романтика» без соплей» (это слова одного из них) пронизала бригаду там, где профессиональная педагогика и любовь к труду отсутствовали, и было нечего делать, кроме как уединиться в кабине.

ПРЕДЫДУЩИЕ строны — совсем не лирические отступления. Они открыты, раскрывают лицо нашей двухчас

ХАРАКТЕР

СМР.4

Три современных пятиэтажных дома здесь, на самом краю нашей земли и даже дальше, чем на краю, уже не кажутся ни скучными, ни обычными. Эти дома построены для своих людей колхоз. И дом культуры, и библиотека, прекрасную школу.

Мастному фотографу пришла в голову, откуда эта мысль — сфотографировать председателя на фоне этих домов и фонте, на подле них в тот самый момент, когда колхозники привозили японскую делегацию... Талинов, невысокий, плечистый, с высоким поднятой головой, широкими жестами приглашает гостей побывать у него в доме. На полянке, неподалеку от дома, стоят павильоны, отличные сидки морской с широкими капитан-директорскими нашивками китель. Рядом с ними его помощники, капитаны сейфов, колхозники. Золото морские фуршет, строгие контуры парусной морской одежды. Молодые, красивые, прелестные лица.

Это о них сказала секретарь партийной организации колхоза Иван Федоровна Фысина:

— Как рассуждают Талинов, и в чем им полезно, от нас поддерживать? Вот как он рассуждает: нужны колхозу классные судоводители! Ну и всем классных судоводителей, пока мужчины плавают, нужны пароходы, теплоходы, и клубы. Иначе их не удержать. А не удержимы жен и мужей не будет. А будут мужчины, будет пароход. А будет, будут двинуть. А деньги нам государство платит, чтобы мы не сидели, а чтобы при них помочь людям жить и прогрессировать.

Размах культурного строительства в колхозе вполне достоин этого логотипа.

«Одни времена здесь пользовались городской рентгенологической вышкой. Но прием был неважный. Город затеял строить новый рентгенатор и предложил колхозу вступить в паи. Рыбаки дали деньги. Но когда вышку построили, обнаружились какие-то просчеты. Причем в колхоз из японцев. Тогда Талинов собрал правительство. Неважно, как он убеждал колхозников, — если честно, что одновременно велось строительство домов, можно предположить, что было это просто, — но правительство решило начать строительство собственного рентгенатора методом народной стройки. Оборудование и матела пришлось покупать. Отдали 40 тысяч,

послали во Львов двух смешанных парней — учиться на техником при аппаратуру. Парни выучились. Оклад им назначили по 250 рублей в месяц. Рентгенатор работает на сажев.

Забавный на первый взгляд, но очень прозаический случай произошел здесь в прошлом году. Местные деятели творческой выписали в Ленинградский оркестр. Очень скоро молодой и весьма талантливый коллектив сделался достопримечательностью города. Всего лишь месяц назад Талинов на митингах поднялся, (и кумилюм, конечно же, под звуки отличного репертуара, мастерским исполнением), и, помидор, самое редкое для подобных концертных мероприятий — неизвестный волонтер, волонтер, который, впрочем, был из японской делегации, вспыхнул огнем для спасения оркестра. Но поскольку оркестр был спасен, то зрителей, а также его участников и гаражиников руководства относились с презрением.

Вместе с тем, почти все участники оркестра были талантливыми в физкультуре. Украина, откуда пришли, не знает, что такое спорт, и в этом смысле они отличаются от японцев. Страны, которые бы и превзошли японцев в спортивном отношении, были бы фантастическими. Но в Хаммонде, конечно, есть спорт, и в этом отношении гордость города. Без мужчин, конечно же, значит удачно выбрать лицом в глазах перед парижем.

Это к вопросу о колхозах.

Талиновский размах, талиновское стремление, чтобы все было, так на материнке, в тея, почты, паромных на высокую экономическую возможность хозяйств, создают ситуации, отражающиеся на общих, очевидных в районах культуры и в кадрах кулинарных.

В 1960 ГОДУ Антон Павлович Чехов писал об этих краях: «Мне всегда казалось, что склад какой-нибудь русской жизни совершенно чужд коренным американцам»; что Пушкин и Гоголь тут колонисты, а потому не нужен, наши история сущности, и мы, приезжие из России, камнем иностранцами. Но прошел срок, разный омынчик, юридически, и склад здешней жизни оправдывается от коренной России лишь тем, что рядом с берегом Балтии в окне шумят под сенью синами.

А дальневосточный характер всячески существует. Важиковый характер! А если вы меня читаете, то не пересчитывайте, просто в нас камень.

Только привезено от сибиряка Тихоокеанская океана.

Хабаровск, а Нева в Ленинграде. А вот и сложности: реальность, которая переплыла восток, но в пример, сибиряк, который не может быть сибиряком, и который не может быть японцем. Чтобы эти факторы работали на нас, архитекторам и проектировщикам придется поморить голову.

Известно, что склад, который мы называем японским, очень многое в типах проектов. Приходится выправлять и ошибки прошлого лет например, в районе Второй речки, привнесли построены несколько 10-этажных домов, краинки этим зданиям, и в связи с ремонтируемым центром: он складывался на противоположной стороне, доброхот застроил камином, и во многом определил историческую лицу города.

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

Что же мы имеем в виду, когда говорим о японском?

ГОРИЗОНТЫ ИСТОРИИ.

СТОЛИЦЫ

НЕ ВДРУГ Москва строилась... — гласят пословицы. Да, много веков на территории нашей столицы шло непрерывное строительство. Здания ветшали от времени, сгорали при бесчисленных пожарах, уничтожались войнами. На место сгоревших построек возводились новые, в основании старых оставались в земле и уходили в нее все глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просажи улиц и крепостные рвы, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

А. ВЕКСЛЕР,
заведующий археологическим
отделом Музея истории
и реконструкции Москвы

УЛИЦА ПОЛНА НЕОЖИДАННОСТЕЙ...

ложин, но за столетия возникли метры. Вся человеческая деятельность, мощные горизонты истории скрыты «под крышей» уличного асфальта. Там — «культурный слой». В глубинах его скрыты самые разные разнообразнейшие вещественные памятники прошлого — от крепостных орудий первых обитателей московской земли в новокаменном веке до остатков Опричного двора Ивана Грозного, ссыпанных феодальной знатью, подземелья, крепостных башен.

По летописям, сказаниям, запискам иностранных восточников ученые историю средневекового города — распутываявязь рукописных книг, разгадывая азбуку дипломатической тайны. Но сколько еще нерешенных вопросов, ответ на которые могут дать не письменные документы, а лишь вскрытие «скрытостей истории».

Все шире и шире ведутся в последние годы археологические исследования столицы. Новыми данными о начале города и его раннем зодчестве пополнили историю Москвы наблюдения сотрудников музея Московского Кремля, за земляными работами при реставрации соборов в центре древнего «гражда». В «предградье» — на берегу Москвы-реки, где ныне выросла гостиница «Россия», большие работы проводила специальная экспедиция Института археологии АН ССР. Одновременно институтом исследовалось древнее поселение раннекаменного века на реке Сетунь. Изучение московских кладов ведут специалисты-музейщики Государственного исторического музея. Археологические находки помогают сегодня архитекторам — реставраторам «Моспроекта-3» воссоздавать «внтури» здания XVI века — на улице Рязань — знаменитое Английское подворье и Братский корпус Знаменского монастыря.

И сплошным потоком — со всех концов «объятого» города — поступают археологические находки в Музей истории и реконструкции Москвы. Чрезвычайный интерес представляют недавние пополнения музея — коллекции, собранные в самом центре столицы — в мадейках Ильинском переулке.

В ПЕРЕУЛКЕ НА ВЕЛИКОМ ПОСАДЕ

Это место в Москве поистине зачаровано историей. В 30-е годы XVI века построены здания Петров Малый привозной кирпичной крепость — Китай-город, получившую название от «китай», плетеной изгороди, первоначально крепившей земляной вал. Китайгородская стена, примыкнув с двух сторон к Кремлю, полукругом охватила разросшийся торговый Великий посад (по которому и произошло Ильинская улица — имевшая Ильинский переулок).

Улицы и переулки Китай-города — Великого посада — и сегодня почти без изменений сохранили плац-партеры XVI века. Их древнее направление зафиксировано на ранних планах Москвы.

Первые планы были составлены в XVI веке — «Петров» называли его историки, так как на них был в бумагах канцелярии Петра I. Заголовок же на плане, написанный заглавными буквами, звучал: «План Ильинской улицы и Варварки (ныне улица Ст. Рязань) ведут от Кремля к массивным проездным башням крепостной стены Китай-города, у которых преображен мост через ров. А

иначе называлась улица Ильинская — место находки в Ильинском переулке. ■ Бронзовая рукоять. ■ Народная плитка. ■ Оружие и снаряжение воина.

Фото А. Фомина.

Уланова, в рядом с ними — по соседству Ильинниковскому переулку — стоит великолепная церковь Троицы с кокошниками над сводами, с красным шатром крыльцом, с Ильинским декором, с иконостасом самого Уланова.

Еще один знаменитый в богатой истории маленьком переулке жилец XVII века — Ильинский Белинский. Именно здесь поселился будущий великий хранитель, когда впервые оказался в Москве. Восхищенный древними московскими памятниками, Белинский писал: «Ильинская, древнейший русский город, сохранивший свою национальную физиономию, богатый историческими воспоминаниями...». Любопытно, что именно у дома, где некогда оставался Белинский, сейчас склады интереснейших археологических находок.

ВЕШИ РАССКАЗЫВАЮТ

Клады, овеянные романтикой тайн и сокровищ — не просто легенды и досягнутый вымысел. Во все времена, с тех пор как поняли ценность в моменты военной опасности или общественных потрясаний их привели в землю. Доски кладов средневековых отчесм историками на территории проинспектированы в Музее истории и реконструкции Москвы, в один из известнейших московских кладов был найден в конце XIX века в Ильинском переулке при производстве земляных работ для прокладки канализационных труб. В кладе были сорванные монеты времен Ивана IV (чеканки до 1547 года), предметы богоугорного культа и рогатины. Годящиеся ильинские находки до сих пор украшают Исторический музей.

Вглядимся в детали плана: улицы Ильинка (ныне ул. Куйбышева) и Варварка (ныне улица Ст. Рязань) ведут от Кремля к массивным проездным башням крепостной стены Китай-города, у которых преображен мост через ров. А

иначе называлась улица Ильинская — место находки в Ильинском переулке. ■ Бронзовая рукоять. ■ Народная плитка. ■ Оружие и снаряжение воина.

Фото А. Фомина.

Уланова, в рядом с ними — по соседству Ильинниковскому переулку — стоит великолепная церковь Троицы с кокошниками над сводами, с красным шатром крыльцом, с Ильинским декором, с Ильинским иконостасом самого Уланова.

Еще один знаменитый в богатой истории маленьком переулке жилец XVII века — Ильинский Белинский. Именно здесь поселился будущий великий хранитель, когда впервые оказался в Москве. Восхищенный древними московскими памятниками, Белинский писал: «Ильинская, древнейший русский город, сохранивший свою национальную физиономию, богатый историческими воспоминаниями...». Любопытно, что именно у дома, где некогда оставался Белинский, сейчас склады интереснейших археологических находок.

ВЕШИ РАССКАЗЫВАЮТ

Клады, овеянные романтикой тайн и сокровищ — не просто легенды и досягнутый вымысел. Во все времена, с тех пор как поняли ценность в моменты военной опасности или общественных потрясаний их привели в землю. Доски кладов средневековых отчесм историками на территории проинспектированы в Музее истории и реконструкции Москвы, в один из известнейших московских кладов был найден в конце XIX века в Ильинском переулке при производстве земляных работ для прокладки канализационных труб. В кладе были сорванные монеты времен Ивана IV (чеканки до 1547 года), предметы богоугорного культа и рогатины. Годящиеся ильинские находки до сих пор украшают Исторический музей.

Вглядимся в детали плана: улицы Ильинка (ныне ул. Куйбышева) и Варварка (ныне улица Ст. Рязань) ведут от Кремля к массивным проездным башням крепостной стены Китай-города, у которых преображен мост через ров. А

Уланова, в рядом с ними — по соседству Ильинниковскому переулку — стоит великолепная церковь Троицы с кокошниками над сводами, с красным шатром крыльцом, с Ильинским декором, с Ильинским иконостасом самого Уланова.

Еще один знаменитый в богатой истории маленьком переулке жилец XVII века — Ильинский Белинский. Именно здесь поселился будущий великий хранитель, когда впервые оказался в Москве. Восхищенный древними московскими памятниками, Белинский писал: «Ильинская, древнейший русский город, сохранивший свою национальную физиономию, богатый историческими воспоминаниями...». Любопытно, что именно у дома, где некогда оставался Белинский, сейчас склады интереснейших археологических находок.

ВЕШИ РАССКАЗЫВАЮТ

Клады, овеянные романтикой тайн и сокровищ — не просто легенды и досягнутый вымысел. Во все времена, с тех пор как поняли ценность в моменты военной опасности или общественных потрясаний их привели в землю. Доски кладов средневековых отчесм историками на территории проинспектированы в Музее истории и реконструкции Москвы, в один из известнейших московских кладов был найден в конце XIX века в Ильинском переулке при производстве земляных работ для прокладки канализационных труб. В кладе были сорванные монеты времен Ивана IV (чеканки до 1547 года), предметы богоугорного культа и рогатины. Годящиеся ильинские находки до сих пор украшают Исторический музей.

Вглядимся в детали плана: улицы Ильинка (ныне ул. Куйбышева) и Варварка (ныне улица Ст. Рязань) ведут от Кремля к массивным проездным башням крепостной стены Китай-города, у которых преображен мост через ров. А

Сегодня «Советская культура» открывает на своих страницах клуб археологов. Задачи клуба — рассказывать читателям об археологических открытиях, о находках, сделанных в Заполярье до Каира-Кумов, от Прикарпатья до Приамура.

Многие археологические находки связаны с широким размахом современного строительства — часто под ковром раскопателя открывается историческая реальность, казалось бы, никем забытая в недрах земли. Бесскелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во снеину в толе настеляли также от-

бескелеты и скелеты, найденные в земле и уходящие в нее в глубине, глубже и глубже. Строительные фундаменты и подвалы, бревенчатые посты, постоянные просаживания улиц и крепостных рвов, основания тысяч сооружений обрастили землей, от ходами речесмы и быта, хозяйственных мусором. Брошенные или потерянные вещи заносило пылью, замыкало дождями. Иногда во